

**К ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ИДЕЙ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ
(НА ПРИМЕРЕ К. МАРКСА И Г. МАРКУЗЕ) ***

В историко-философском исследовании любого жанра – будь то анализ творчества отдельного мыслителя, история развития какой-либо философской традиции или идеи – обязательно возникает проблема преемственности идей. Исследование какой-либо философской традиции или творчества отдельного мыслителя не ведется изолированно, а обязательно поднимает вопрос об источках идей, присутствующих в этой традиции или творчестве. История идеи представляет собой в самом общем виде анализ ее развития в ходе трансляции от одного мыслителя к другому, или от одной традиции к другой. Таким образом, понятие о преемственности идей является одним из ключевых в историко-философской науке.

Это понятие действительно представляет собой проблему, поскольку оно используется в слишком разнородном контексте даже в рамках одного из указанных историко-философских жанров. Слишком часто фраза о том, что та или иная традиция унаследовала от другой ту или иную идею, концепцию, или тот или иной мыслитель испытал влияние другого, – представляет собой общее место, за которым стоит лишь образ, что идеи, подобно «теплороду» термодинамики, перетекают от одного «тела» к другому при их соприкосновении. Таким образом, становится очевидным, что понятие «преемственность идей» содержит в себе скрытую метафору и является само собой разумеющимся именно в качестве метафоры, что, конечно, не может удовлетворять исследователя, если он воспринимает историю философии как

науку, а не как произвольный красочный рассказ о «временах былых».

Таким образом, цель настоящей статьи – уделить более пристальное внимание данному понятию и реконструировать, хотя бы в общих чертах, алгоритм его применения в историко-философском исследовании. Наиболее целесообразным представляется не пускаться в абстрактные рассуждения, якобы раскрывающие идеальный смысл понятия, а рассмотреть конкретный случай из истории философии сквозь призму этого понятия и тем самым выявить его «свойства». Кроме того, следует отметить, что в настоящей работе понятие преемственности идей ограничивается контекстом преемственности между отдельными мыслителями, и я не претендую, следовательно, на то, чтобы раскрыть его во всей полноте, в применении ко всем историко-философским жанрам. Цикл предыдущих моих работ посвящен творчеству Г. Маркузе, и потому естественным с моей стороны будет рассмотреть именно случай преемственности между Маркузе и другими мыслителями.

В ранний период своего творчества Маркузе активно привлекал в процессе философствования произведения Маркса (в основном ранние) и Хайдеггера («Бытие и время»). Это дало повод исследователям говорить о произведенном Маркузе синтезе нового направления в философии: «хайдеггер-марксизма»¹. Таким образом, налицо представление о восприятии Маркузе идей Маркса и Хайдеггера, кроме того, не простом

* Работа выполнена в рамках проекта «Развитие социально-философских воззрений Г. Маркузе» (РГНФ, проект № 07-03-00523а).

¹ См., например: [Wolin, 2005]. Р. Волин издал сборник «Heideggerian Marxism» [Marcuse, 2005], в который вошли все «хайдеггер-марксистские» статьи Маркузе.

восприятию – а о последующем их синтезе. Рассмотрим лишь проблему преемственности между Маркузе и Марксом, тем более что это гораздо более популярная тема в литературе о Маркузе, нежели его связь с Хайдеггером, и, следовательно, представляется более актуальным проанализировать именно ее.

Прежде чем обратиться к проблеме понимания Маркузе текстов Маркса, следует вкратце очертить, что он понимает под философией и ее задачами. Наиболее явным образом он рассуждает о философии в статье «О конкретной философии» [Marcuse, 2005. P. 34–52]. Данная статья пестрит словами «конкретный», «конкретность» и пр. Истинное философствование конкретно потому, что оно должно строить свои выводы, исходя лишь из «конкретной исторической ситуации» – и применительно лишь к этой исторической ситуации. Стоит отметить, однако, каким образом Маркузе понимает само философствование. Все, что Маркузе ни говорит о философствовании, приложимо к философствованию в *любой* «конкретной исторической ситуации». Философствование – некий процесс некоего (абстрактного) субъекта, который в принципе имеет право на существование вне какой бы то ни было конкретности. Маркузе старательно избегает сказать что-нибудь конкретное о своей «конкретной исторической ситуации», так что это понятие становится предельно абстрактным. Откуда берется философствование – Маркузе не указывает, все внимание уделяя тому, куда его правильно прикладывать. (Зато он с полной серьезностью заявляет: «Вопрос, который теперь возникает, таков: как философия может вообще достичь конкретного существования?» ([Ibid. P. 46]), и начинает со всей серьезностью отвечать на него, подтверждая тем самым что в принципе он рассматривает процесс философствования как самодостаточный.) Цель философствования – сделать из конкретной ситуации конкретные выводы, которые будут сформулированы не иначе как в виде руководств к

² «Анализ со-временного (contemporary) наличного бытия, набросанный здесь, должен быть поручен философии, а не историческим наукам, по той причине, что такое исследование... должно быть выполнено до точки установления нормативных руководств к действию. ... Руководства к действию, в которых конкретная философия достигает своей высшей точки, никогда не будут содержать... абстрактных норм, пустых императивов. Они с необходимостью будут почерпнуты из необходи-

действию², которые, в свою очередь, позволят совершить «радикальный акт»³. Маркс для Маркузе – некий мистический персонаж, который, обладая секретом приручения этого обитающего вне конкретной реальности философствования, смог обратиться к конкретной ситуации и, сделав из нее в результате философствования конкретные выводы, включился в эту ситуацию, в ее радикальное преобразование. Именно поэтому Маркузе крайне заинтересован в анализе *фундаментальной ситуации марксизма*⁴. Этот анализ позволит ему раскрыть секрет философствования и затем во всеоружии приступить к анализу «конкретной исторической ситуации»⁵.

Подобная устремленность Маркузе к «философскому обоснованию исторического материализма», его стремление вырваться на философский простор предельно общих понятий, говорит о том, что ему

мостей конкретного существования в его исторической ситуации и в каждом случае будут обращаться не к абстрактным универсалиям, а к конкретному, существующему субъекту» [Marcuse, 2005. P. 46].

³ Понятие радикального акта связано с абстрактным различием Маркузе действий, совершающих преобразование в рамках данной исторической ситуации, и действий, преобразующих ее (революционных действий). «Лишь *радикальный акт* преобразует обстоятельства, а также человеческое существование, действующее в них» [Marcuse, 2005. P. 5]. «Для того чтобы конкретная возможность радикального акта была определена, должна быть познана историческая ситуация, в которой он должен быть совершен» [Ibid. P. 6]. Познает ситуацию, соответственно, философствующий субъект, который, надо думать, дан еще до обращения к какой-либо конкретной ситуации.

⁴ «Мы определим фундаментальную ситуацию человеческого бытия как ситуацию, в которой эта личность имеет ясный взгляд на окружение и может определять свое уникальное отношение к нему и задачу, которая возникает из этого отношения» [Marcuse, 2005. P. 2].

⁵ Маркузе настойчиво подчеркивает философичность творчества Маркса: «Мы имеем дело с *философской* критикой политической экономики. ... Маркс идет назад к проблемам в самом корневище гегелевской философии (которые исходно определили его метод), независимо присваивает их реальное содержание, и промышляет философию до ее дальнейшего этапа» ([Marcuse, 2005. P. 87]; курсив здесь и далее Маркузе. – М. Б.). Маркузе констатирует: «Маркс... использует *философские* понятия для описания труда и частной собственности»; и это, по Маркузе, происходит «не потому, что он ограничен определенным типом философской терминологии. Его интерпретация скорее пытается прояснить, что вся критика и фундамент политической экономики были развиты на философском базисе и явным образом выросли из философского диспута» [Ibid. P. 90].

совершенно чужд (по крайней мере, на этом раннем этапе развития его творчества) фундаментальный предмет исследования Маркса, что он пытается избавиться от него и не обременять себя конкретным содержанием марксистских категорий. На этом этапе Маркузе пытается проделать путь, обратный по отношению к тому, что проделал Маркс, который, поняв всю бесплодность нескончаемого философствования в абстрактных категориях⁶, приступает к фундаментальному исследованию конкретного объекта: современного ему западно-европейского капитализма. Маркузе же, наоборот, старается доказать, что экономические понятия Маркса являются на самом деле философскими, и стремиться ускользнуть в их философское содержание, где он чувствует себя, безусловно, очень комфортно. Маркузе придает величайшее значение всякому риторическому заявлению Маркса в его «Экономическо-философских рукописях», которые сам Маркс навряд ли слишком уж серьезно воспринимал уже вскоре после их написания. Конечно, не следует отрицать, что такой интенсивный «мозговой штурм», который представлен в этом произведении, сыграл большое значение в развитии Маркса как исследователя⁷. Однако делать эти рукописи краеугольным камнем марксизма представляется явной нелепицей. Лишь

⁶ Я склонен считать, что когда Маркс написал свою остроумную фразу о том, что философия и действительное познание мира относятся друг к другу как онанизм и половая любовь, – он имел при этом в виду также и свой опыт разрешения поставленных им фундаментальных проблем посредством философской аргументации и «философского диспута» с Гегелем. Интересный анализ ситуации перехода Маркса от «философии» к «действительному познанию мира» дан в статье Оскара Хэммена [Hammen, 1970].

⁷ Маркс достаточно ясно характеризует свое отношение даже к более серьезным своим произведениям («Святое семейство», «Немецкая идеология»), лишь как подготовительный этап в своем основном деле: «Мы тем охотнее представили рукопись [«Немецкой идеологии». – М. Б.] грызущей критике мышей, что наша главная цель – уяснение дела самим себе – была достигнута» [Маркс, Энгельс, 1952. С. 323]. Что же можно сказать о достаточно сумбурном изложении еще не устоявшихся вполне взглядов, какое представляют собой «Экономическо-философские рукописи», где больше задора и запала, нежели четко установленной терминологии и трезвой оценки содержания собственных положений?

безудержная тяга молодого Маркузе⁸ отлить всемогущие философские формулировки, которые решали бы все проблемы, позволила ему, безуспешно искавшему до этого философское обоснование исторического материализма, придать рукописям такую огромную важность⁹.

Говорит ли все вышесказанное о том, что Маркузе удалось «перенять» какие-то фундаментальные идеи Маркса? Полагаю, нет. Маркс отдает должное раннему (до-экономическому) периоду своего творчества, признавая, что именно тогда были выработаны фундаментальные методологические принципы исследования реальности, позволившие ему провести анализ капиталистического общества. Однако, думаю, он не склонен был считать свои ранние произведения кладом истины и мудрости, что подтверждается его ироническим отношением к факту «грызущей критики мышей». Маркузе же, напротив, со всей серьезностью относится к «до-экономическому» Марксу и совершенно пренебрегает его научными исследованиями общества¹⁰. Это красноречиво говорит о полном различии в понимании философских идей, высказанных ранним Марксом, между самим Марксом и Маркузе. Можно до бесконечности рассуждать о преемственности между мыслителями, исходя из того, что один из них спекулирует терминологией другого. Однако если нет преемственности в предмете исследования, который наполняет реальным содержанием философствование этих мыслителей, если не просматривается передачи от одного другому определенного видения и *методов исследования* некоего выделенного в реальности объекта, – то все эти рассуждения о преемственности будут совершенно бессо-

⁸ Впрочем, как показывает более или менее внимательное прочтение уже зрелых произведений Маркузе, он не вполне избавился от этой тяги и впоследствии.

⁹ «...в 1932 г. произошло издательское событие, которое совершило перелом в интеллектуальном развитии Маркузе: публикация “Экономическо-философских рукописей 1844 г.” Маркса. ...Маркузе неожиданно нашел у Маркса то, что он четыре года искал у Хайдеггера: философское обоснование исторического материализма» [Wolin, 2005. P. XXIV].

¹⁰ Более подробно я планирую осветить этот аспект различия между Марксом и Маркузе в своем диссертационном исследовании, посвященном развитию социальных воззрений Маркузе; здесь я вынужден лишь кратко очертить проблему.

держательны и их с легкостью можно поворачивать как в пользу наличия, так и в пользу отсутствия преемственности.

Такой преемственности в предмете исследования между Марксом и Маркузе нет. Если Маркс изучает реальное общество, исходя из реальных фактов, которые он приводит в изобилии, то Маркузе исследует¹¹ (когда действительно переходит позднее к исследованию) лишь овладевшую им метафору «одномерного общества», никак не соотнося ее с действительностью, а лишь декларируя эту соотношенность. Кроме того, характерно само отношение Маркса к своему творчеству «экономического периода»: его работы бросают вызов вполне определенным людям или группам людей, поскольку содержат развенчание идеологических иллюзий или тычут тех, к кому обращены, носом в их собственные сознательные или несознательные заблуждения. Таким образом, даже самые теоретические его работы носят характер целенаправленного действия, а не сообщения «чистой истины», и именно в этом заключается «секрет» единства теории и практики, который Маркузе пытается раскрыть с помощью абстрактнейших категорий. Маркс сознательно удерживается в конкретной исторической ситуации и действует исходя из нее. Маркузе же, рассуждая о смысле «конкретности» и пытаясь раскрыть смысл деятельности Маркса, который он смутно, но все же улавливает, изолирует себя от всякой действительной конкретности, вообразив себя неким Абсолютным духом, который, умчавшись в наиабстрактнейшие дали, достигнет, совершив «диалектический выверт», абсолютно конкретного содержания; он пытается, вращая в себе абстрактные понятия, породить конкретную действительность, которая была бы тождественна, таким образом, с полным ее пониманием.

Налицо полное непонимание деятельности Маркса и смысла его идей – по крайней мере, в раннем творчестве Маркузе. Преемственности между Марксом и Маркузе не больше, чем преемственности между одним из экзегетов «Ветхого завета» и его автором, которым экзегет вполне искренне считает Святого духа¹². Ранние

произведения Маркса служат для Маркузе лишь источником вдохновения, благо написаны они пылко и энергично, что способствует захватывающему чтению. В дальнейшем Маркузе уже переходит к попыткам рассуждать о современном ему обществе¹³, однако он по-прежнему старается оставаться на самых абстрактных позициях, вероятно чтобы дать наиболее исчерпывающую и целостную характеристику общества. Как показал уже проделанный мной анализ дальнейшего творчества Маркузе, это стремление не приводит ни к чему, кроме как к рассуждениям на уровне метафор, содержание которых, всецело обусловленное субъективным восприятием Маркузе и его культурным багажом, заменяет для него реальный объект исследования: реальное современное общество.

Таким образом, в ходе анализа случая «преемственности» между Маркузе и Марксом становится ясно, что при анализе преемственности идей между двумя мыслителями необходимо:

1) установить подобие (по крайней мере, в определяющих чертах) фундаментальных предметов исследования этих мыслителей либо отсутствие такового (например, в «хайдеггер-марксистский» период творчества «предмет исследования» Маркузе предельно размыт, Маркузе пытается выяснить смысл понятия «историчности», отвлекшись от всего конкретного, – в противоположность вполне определенному и конкретному предмету исследования Маркса: капитализму. Так что ничего общего в данных предметах исследования обнаружить невозможно, что говорит о том, что о преемственности между Марксом и Маркузе в раннем творчестве Маркузе¹⁴ говорить не приходится. Маркузе выступает скорее как современный алхимик, роющийся

¹¹ Как показано в цикле предшествующих моих статей (см.: [Бабак, 2005; 2006а; 2006б]).

¹² Сам Маркузе, очевидно, считает себя преемником Маркса – на должности Абсолютного духа.

¹³ Я планирую подробнее осветить конкретные причины подобного перехода в своем диссертационном исследовании. В данной статье я этого вопроса не затрагиваю, поскольку ограничиваюсь лишь проблемой преемственности идей между Марксом и Маркузе, а указанный вопрос, на мой взгляд, тесно связан с увлечением Маркузе философией Хайдеггера и с шокком, который испытал Маркузе при вступлении Хайдеггера в нацистскую партию.

¹⁴ А тем более – о синтезе марксизма и хайдеггерианства; так что понятие «хайдеггер-марксизм» представляется пустой формулой, риторической фигурой, лишенной реального содержания.

в трудах по химии в надежде открыть, наконец, секрет философского камня и потому не воспринимающий действительных идей, содержащихся в этих трудах);

2) если удастся установить некоторое тождество в предметах исследования, то следует обратить внимание на содержание этих предметов и характер работы мыслителей с ними (например, в зрелый период своего творчества Маркузе предметом исследования объявляет современное «репрессивное общество», в котором вполне можно обнаружить важные черты «капиталистического общества» как предмета исследования Маркса. Однако содержанием «репрессивного общества» как понятия является набор во многом произвольных ассоциативных образов, которые Маркузе черпает из произведений различных авторов – в том числе и из произведений Маркса; т. е. предмет исследований Маркузе является простой метафорой, сквозь которую он рассматривает и тенденциозно толкует некоторые отдельные факты. Содержанием же предмета исследования Маркса является огромный фактический материал, скрупулезно обрабатываемый им в течение десятилетий; так что вполне обоснованным является утверждение, что предмет его исследований соотносится с реальным объектом, выделенным в действительности. Таким образом, по этому признаку преемственность между Марксом и Маркузе просматривается лишь поверхностная);

3) наконец, одним из существенных признаков преемственности (который можно использовать независимо от первых двух) является осознание собственной позиции в отношении предмета исследования. Имеется в виду следующее: мыслит ли философ себя действующим в рамках объекта собственного исследования или же он в собственном мышлении полностью изолируется от него, подобно некой трансцендентной сущности. Первая позиция ведет к усиленному обоснованию объективности собственного представления о действительности, поскольку, в силу вышесказанного, философ всегда будет ощущать зерно субъективности в нем и вследствие этого будет пытаться минимизировать эту субъективность. Вторая позиция ведет к отождествлению своего представления о действительности с самой действительностью, что хорошо выражено гегелевской формулой о тождестве мышления и

бытия. Эта позиция – позиция Абсолютного духа, которая, естественно, в представлении философа, занимающего ее, не нуждается в обосновании, поскольку Абсолютный дух сам есть основание всего. (Маркс, например, четко представлял себя действующим в рамках современного ему общества¹⁵. Вследствие этого, его работы обращены к людям именно этого общества: к буржуа и пролетариям – пусть это идеальные типы, но они имеют основательные корни в современной ему действительности и, следовательно, являются вполне реальными адресатами¹⁶. Маркузе занимает трансцендентную позицию, для него практически никогда не встает вопрос об объективном обосновании своих рассуждений; его «хайдеггер-марксистские» работы обращены в никуда, для его воззваний нет реального адресата, кроме него самого (о чем, впрочем, он сам, вероятно, не подозревает). Таким образом, он возвещает истину самому себе, что вполне в духе Абсолютного духа. В поздних своих работах он уже обращается к людям, но ко всем людям, изолируя себя, таким образом, от них. Призыв тоже соответствующий: *Великий отказ*. Следовательно, Маркузе так и не сошел с позиций трансцендентного наблюдателя, что опять-таки резко отличает его от Маркса¹⁷.

¹⁵ Это четко выражено в марксистском принципе партийности философии.

¹⁶ То, что, разрабатывая свою философию, он воспринимает собственную деятельность как вполне реальную и даже материальную, видно из его замечания в письме к И. Ф. Беккеру (в связи с предстоящим выходом в свет первого тома «Капитала»): «Это, бесспорно, самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову буржуа» [Маркс, 1963].

¹⁷ Эти «признаки» преемственности не обладают исключительно негативным содержанием (т. е. содержанием, подкрепленным только теми примерами, о которых можно сказать, что они не являются случаями преемственности). В качестве положительного примера можно указать, скажем, на наличие преемственности идей в указанном смысле между Марксом и Лениным. Работа «Развитие капитализма в России» и многочисленные работы Ленина, в которых, он с марксистских позиций, используя марксистские методологические принципы, анализирует различные аспекты современной ему общественной жизни и ведет ожесточенную полемику с различными деятелями от философии, а также сама общественная деятельность Ленина – с очевидностью демонстрируют тот факт, что Ленин перенял теорию Маркса вместе с предметным видением того объекта, к анализу которого она применяется.

Список литературы

Бабак М. В. Понятие трансцендирования в работе Г. Маркузе «Одномерный человек» // Философия: история и современность. 2004–2005. Новосибирск; Омск, 2005. С. 318–333.

Бабак М. В. Советское общество в зеркале «критической теории» Г. Маркузе // Гуманитарные науки Сибири. 2006а. № 1. С. 48–51.

Бабак М. В. Метафора как средство философского обобщения: «Эрос и цивилизация» Г. Маркузе // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2006б. Т. 4, вып. 1. С. 144–150.

Маркс К. Письмо Иоганну Филиппу Беккеру, 17 апреля 1867 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд., 1963. С. 453. Т. 31.

Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения. 1952. Т. 1.

Hammen O. J. The Young Marx, Reconsidered // J. of the History of Ideas. 1970. Vol. 31. No. 1. P. 109–121.

Marcuse H. Heideggerian Marxism. Lincoln; L.: Univ. of Nebraska Press, 2005. P. XI–XXX.

Wolin R. What is Heideggerian Marxism? // Marcuse H. Heideggerian Marxism. Lincoln; L.: Univ. of Nebraska Press, 2005. P. XI–XXX.

Материал поступил в редколлегию 15.01.2007